

УМ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА: БЛАГО ИЛИ БРЕМЯ?

Мулляр Лилия Анатольевна,

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации,
Северо-Кавказский институт,
профессор, доктор философских наук, доцент,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: mullyar@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются условия, при которых образование и науку можно считать элементами soft power.

Ключевые слова:

ум, образование, наука, образованный человек (образованность), научность.

Для того чтобы позиционировать образование и науку в качестве пространства становления Умного человека и ресурсов осуществления soft power, необходимо, как нам представляется, прояснить некоторые принципиально важные моменты, характеризующие данные феномены.

Образование или образованность?
Существует несомненное и объективное различие между человеком, имеющим образование, и человеком образованным. Первый вариант обременён приоритетом формального статуса и количественно измеряемого результата обученности. Человек затратил некоторый, возможно большой, объем времени и усилий, чтобы накопить знания. И вот он – счастливый обладатель фактов, формул, правил, что подтверждено официальным государственным документом – аттестатом или дипломом с оценками, из которых можно вывести средний балл. Второй вариант может также быть формализован или не формализован (незаконченное образование, самообразование), но в этом случае главное – содержательная, качественная составляющая: умение оперировать накопленными знаниями, умение сомневаться и критически оценивать реальность. Данные умения трудно или невозможно измерить в баллах и процентах, но именно они дают право на статус Умного человека,

поэтому образованность и ум, на наш взгляд, синкретичны. В подкрепление своей позиции обратимся к признанным авторитетам, например, к Э.В. Ильенкову: «Ум можно определить как способность выносить суждение о единичном факте с высоты усвоенной общей культуры... чем выше культура (запас усвоенных знаний, общих истин), тем больше простора для обнаружения ума. Но если нет способности (умения) самостоятельно соотносить этот запас с индивидуально неповторимой ситуацией – ума нет вообще. Есть его отсутствие – глупость. Даже при огромном запасе знаний» [1, с. 25]. К сожалению, приходится констатировать, что система современного российского школьного и вузовского образования ориентирована на количественный показатель, на создание определенного запаса знаний, который формально (посредством разнообразных тестирований) проверяется и удостоверяется, но который, зачастую, «не работает». Российская действительность «старается соответствовать» системе российского образования и предъявляет человеку требование наличия задокументированного образования, что само по себе понятно и нормально. Плохо другое: снимаются содержательные требования и, какие бы то ни было, сомнения в качестве образования, складывается стереотип

Конференц-зал

его внешней престижности, что обеспечивает обладателю диплома претензию на «положение в обществе». То есть, повсеместно формализованно «образовывая» граждан в школе, а затем, сделав легко доступным обучение в вузе, социум получил «обратный эффект» – не образованного, а получившего образование Посредственного человека, множество Посредственностей, «людство» в терминологии М. Хайдеггера. Социальные впечатления обеспечивают правомерность предположения о том, что такая ситуация имеет свои латентные выгоды для управленческих структур разного уровня. Имеющее образование «людство», Посредственный человек не вникают в значения реальности, некритично принимают решения «сверху», готовы следовать «партийной линии», одобряют и приветствуют любые начинания власти. А если в менталитете «людства» преобладает эмоциональная оценка действительности (как, например, в российской ментальности), то отношение к нему как к *коммуникативному объекту воздействия* тем более становится оправданным, удобным и безопасным. Причем, как для системы управления, так и для Посредственного человека: власть застрахована от проявлений soft power, среднестатистический гражданин освобожден от необходимости проявлять soft power, от бремени персональной инициативности и персональной ответственности. Весьма показательна ситуация с отношением к Олимпийским играм. Вопрос о проведении Олимпиады в Сочи в 2014 российская власть с гражданами не обсуждала, общенациональный референдум не проводился. При этом значительная часть имеющего образование населения России эмоционально и безоговорочно одобрила готовое решение власти (в подобной же ситуации в ряде европейских стран – Германии, Польше, Швеции – прошло предварительное выяснение мнения населения на предмет возможного проведения очередных Олимпийских игр; рационально обоснованное отрицательное отношение большинства граждан этих стран сделало невозможным выдвижение их в кандидаты на проведение Олимпиады. Что это, как не soft power в действии?). Получается, что наличие образования не является условием

обладания и, тем более, осуществления soft power. А что же образованный Умный человек – исчез, истреблен? Официально – нет, но фактически достоин определения «исчезающий вид». Можно предположить, что эта тенденция не случайна: Образованный и Умный человек серьезно осложняет жизнь власти, поскольку обладает soft power и применяет её. Отношение с ним приходится строить как с *коммуникативным субъектом взаимодействия*, а это неудобно, проблематично и даже опасно. Конечно, Образованность и Ум обязывают, а потому и для человека обременительны, а зачастую неизбежно даже «горе от ума». В тоже время Образованность и Ум являются и неоспоримым благом, поскольку не позволяют успокаиваться, погружают в смыслы, заставляют отказываться от эмоционально заманчивых предложений в пользу рационально прагматичных значений, искать обоснования, сопоставлять, сомневаться и критиковать, не принимать «на веру». Очевидно, что не образование, а именно Образованность и Ум обеспечивают soft power.

Наукообразие или научность? Наукообразие, видимость научности, становятся, к сожалению, явлениями все более распространенными. А связано это все с тем же отсутствием стартовой образованности или намеренной ее подменой наличием образования. Ситуация, пролонгированная в научную сферу, порождает приоритет формальной учености в виде задокументированных степеней и званий. «Процент остепенённости» преподавателей как показатель эффективности вуза, наличие ученой степени как неперемное условие карьерного продвижения чиновников разных уровней, наконец, обывательское понимание престижности и статусности, в «джентльменский набор» которого входит ученая степень, создают благодатную почву для наукоподобия. Приверженцам наукообразности следует помнить, как диагноз и как приговор, слова великого И. Канта: «Недостаток способности суждения есть то, что называют глупостью. Но даже тупой и ограниченный ум с помощью обучения может достигнуть учености. Но так как этим людям недостает способности суждения, то не

Конференц-зал

редкость встретить очень ученых людей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток (глупость)» [2, с. 197]. Вряд ли посредственных «ученых людей» и их наукообразные претензии позволительно оценивать как элемент soft power. В тоже время, считаем, что правомерно акцентировать внимание на некоторых признаках истинной научности, обеспечивающих soft power и возможность её актуализации в определенной социальной ситуации:

– наличие объекта и предмета, *действительно* нуждающихся в глубоком изучении, организованном, возможно, в неожиданном ракурсе;

– проблемность в ранге *провокации интереса*, которая является необходимым «стартом» когнитивного процесса и «подпиткой» исследовательского тонуса;

– актуальность исследования, которая «по определению» исключает надуманное «мелкотемье» и связана с *реальными потребностями*, как самой науки, так и социума или одной из его сфер, с неременной возможностью экстраполяции основных выводов, рекомендаций, тенденций;

– парадигмальность, которая кумулятивистскому подходу последовательно развивающегося познания противопоставляет куновскую идею о периодической коренной трансформации научного массива и смене ведущих научных моделей / парадигм новыми, на первый взгляд, странными и даже сомнительными, но со временем подтверждающими свою жизнеспособность и значимость;

– методологическая смелость, когда стандартным и выверенным методам познания предпочитают методологический плюрализм, например, в духе П. Фейерабенда (принцип «*все дозволено*»), совершенно неприемлемый в наукообразном формализованном процессе, стремящемся «соответствовать...»;

– диалектичность, которая позволяет преодолеть или минимизировать волюнтаризм, столь характерный для тяготеющих к метафизичности наукообразных «ученых людей»;

– обоснованность новизны утверждений и концепций предполагает наличие доказательной базы, придающей понятность и надежность оценкам и прогнозам и превращающей созданный интеллектуальный материал в инструмент soft power; следует отличать формальную научную новизну, за которую при помощи наукообразных выражений выдают давно известные истины или которую зачастую ищут там, где её попросту нет. Такая «наука» мало интересна, а потому поверхностна, бессильна и бесперспективна;

– ясность высказываний и рассуждений исследования, когда четко определены основные концепты, выстроена логика и концептуальная связность текста, который искусственно не осложнен витиеватыми изречениями и терминологией ради того, чтобы произвести впечатление; ведь, как правило, там, где начинаются теоретические хитросплетения и понятийная напыщенность, исчезает системность и доказательность, ясность и понятность, а вместе с ними – и научность, чье место тут же занимает наукообразность.

Наука / научность как элемент soft power вовсе не означает, что только изобретения и открытия фундаментального мирового масштаба делают ученого выдающимся и обеспечивают soft power. Изыскание может быть локальным и прикладным. Речь, прежде всего, должна идти об уникальности, оригинальности *авторского начала* исследований: «Помыслий нечто своё об уже известном» [3, с. 29]. Этот принцип дорогого стоит, именно в нем, по нашему мнению, и заключена суть истинной научности и её несомненная soft power.

Итак, некоторые выводы: ум может быть и благом и бременем; ум и образованность / научность синкретичны; образование и наука в качестве элемента soft power способны влиять на духовную ситуацию в социуме, обеспечить «умственное» измерение антропосоциального бытия, но при условии, что *образованность и научность*, а не схоластическое теоретизирование, займут приоритетное место в культурном пространстве.

Конференц-зал

1. Ильенков Э.В. Философия и культура [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 464 с.

2. Кант И. Критика способности суждения. Сочинения в шести томах [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 161–529.

3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию [Текст] / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.

1. Il'enkov E'.V. Filosofiya i kul'tura [Tekst] / E'.V. Il'enkov. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1991. – 464 s.

2. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. Sochineniya v shesti tomah [Tekst] / I. Kant. – M.: Mysl', 1966. – T. 5. – S. 161–529.

3. Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu [Tekst] / M.K. Mamardashvili. – M.: Progress, 1990. – 366 s.

MIND FOR PERSON: BLESSING OR BURDEN?

Mullyar Lilia Anatolievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration,
North Caucasian Institute,
Professor, Doctor of Philosophy, the senior lecturer,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: mullyar@mail.ru

Annotation

In the article of Mullyar L.A. «Mind for person: blessing or burden?» there analyzed condition which determine education and science as element of soft power.

Key words:

mind, education, science, educated person, scientific character.
